

VI.

О ПСЕВДОНИМАХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.*)

М. И. Сухомлинова.

Чтеніе составляло одну изъ потребностей людей любознательныхъ въ древней Россіи. Масса сочиненій и переводовъ увеличивалась у насъ не только съ каждымъ вѣкомъ, но съ каждымъ почти десятилѣтіемъ, какъ можно судить по количеству рукописей, принадлежащихъ началу, срединѣ и концу одного и того же столѣтія. Само собою разумѣется, что въ Россіи, какъ и всюду, не всѣ вѣка были одинаково счастливы въ отношеніи къ литературной дѣятельности. Переписчики, а можетъ быть и сами авторы, имѣли обычай помѣщать новыя произведенія въ книги, въ которыя вписаны были уже другія сочиненія, труды писателей предшествовавшихъ. Всякое новое произведение, если оно было не безъ достоинствъ, расходилось во многихъ спискахъ. При списываніи обыкновенно не довольствовались одною литературною новостью, а заимствовали изъ оригинала и нѣсколько другихъ статей, наиболѣе возбуждавшихъ уваженіе или любопытство писавшаго. Изъ нѣсколькихъ подобныхъ извлеченій составлялась рукопись, служившая въ свою очередь оригиналомъ для списковъ позднѣйшихъ. Иногда помѣщеніе извѣстной статьи къ какой-либо рукописи происходило случайно или зависѣло отъ однихъ внѣшнихъ причинъ: оставалось нѣсколько свободныхъ листовъ, и на нихъ помѣщали отрывокъ соразмѣрнаго объема. Этимъ можно объяснить, отчего въ одной рукописи съ Пятикнижіемъ находятся какія нибудь правила домашней жизни, напоминающія «домострой», и отчего вообще во многихъ рукописяхъ господствуетъ чрезвычайное разнообразіе. Особенною пестротою содержанія отличаются сборники, которыми такъ обильна наша древняя литература. Причина этому заключается въ самомъ назначеніи ихъ удовлетворять различнымъ потребностямъ составителей и читателей. Между прочимъ сборники служили нѣкогда карманной библіотекой (*bibliothèque portative*), какъ отчасти можно полагать по самому ихъ формату—въ 16-ю долю и менѣе. Несравненно правильнѣйшимъ расположеніемъ отличаются собранія сочиненій характера нравственно-религіознаго исключительно. Въ числѣ поученій, переведенныхъ съ Греческаго, встрѣчаются и сочиненія Русскія, носящія живые слѣды народности. Сходство ихъ по главной цѣли съ произведеніями переводными послужило поводомъ къ ихъ совокупному помѣщенію: въ

этомъ видна обдуманность, сознательный выборъ составителя рукописи, противоположной указанной выше случайности. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ подобнаго рода статьи ясно отдѣляются одна отъ другой, и каждая сохранена въ достаточной полнотѣ и исправности, такъ что о содержаніи ихъ могутъ быть дѣлаемы вѣрные и подробные выводы. Но что составляетъ камень преткновенія въ изслѣдованіи рукописныхъ произведеній нашей древней словесности, это точное опредѣленіе ихъ авторовъ. Большею частію имена писателей исчезли вмѣстѣ съ ними, а иногда не были извѣстны и при жизни ихъ. Этому обстоятельству нельзя назвать простою случайностью: въ немъ открывается черта древне-Русской образованности. Въ постоянномъ удерживаніи своего имени въ неизвѣстности видно убѣжденіе, своего рода начало, ставившее мысль, раскрытую въ произведеніи, несравненно выше личности автора. По крайней мѣрѣ такое пожертвованіе авторскимъ самолюбіемъ было бы неслыханнымъ явленіемъ въ обществѣ, руководимомъ другими началами. Свидѣтельство Цицерона служить намъ порукою въ этомъ касательно древняго міра *).

Не только авторы, но и самые переписчики не считали нужнымъ называть себя по имени. Рѣдко случалось, чтобы писавшій рѣшался открыть имя свое читателямъ, и въ такомъ случаѣ различными эпитетами и описательными выраженіями онъ какъ бы желалъ загладить нарушеніе авторской скромности. Имя открывалось обыкновенно въ послѣсловіи. Какъ образецъ употреблявшагося при этомъ литературнаго приѣма можно привести послѣсловіе къ Сборнику Сергіевой Лавры, № 49: «Источнику сушу на мѣстѣ, кто жаждою истаеетъ, явѣ есть, яко неприходяй къ нему; аще и сіа книга источнику естъ подобна, аще кто съ усердіемъ разгнѣвъ прочтетъ, напоитъ душу свою живоносныя воды. Писана быша сіа книга Съборникъ въ лѣто 6953 (1445), индикта 8, рукою многогрѣшнаго, малѣйшаго въ единообразныхъ, и въ грѣшницѣхъ прываго, и непотребнаго въ братствѣ, и неключимаго не в каковойждо добродѣтели, смиреннаго многими грѣхы, священноинока Макарыища. А писалъ естъ сей Сбортникъ Пансію, старцю Сергіева монастыря. Словеса убо писанная приидоша в конецъ, уму же да не будетъ когда пріяти конецъ въ любитехъ душепитательныхъ словесъ, кое убо когда будетъ благыхъ насыщеніе. Аминь». Отсутствіе авторскихъ именъ въ древне-

*) Авторъ принимаетъ здѣсь слово *псевдонимъ* въ особенномъ смыслѣ, болѣе обширномъ.

*) Ср. Oratio pro A. Licinio Archio, poeta. XI. Neque enim est hoc dissimulandum, quod obscurari non potest, sed prae nobis ferendum: trahimur omnes laudis studio, et optimus quisque maxime gloria ducitur. Ipsi illi philosophi, etiam illis libellis, quos de contemnenda gloria scribunt, nomen suum inscribunt: in eo ipso, in quo praedicationem nobilitatemque despiciunt, praedicari de se, ac nominari volunt.